

DOI 10.15393/j9.art.2016.4043

УДК 821.161.1.09

Владимир Николаевич Захаров*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

vnz01@yandex.ru

ЕСТЬ ЛИ У НАС ЛИТЕРАТУРА? КОНЦЕПТЫ *ЛИТЕРАТУРА* И *СЛОВЕСНОСТЬ* В РУССКОЙ КРИТИКЕ*

Аннотация. В статье рассматриваются несколько эпизодов из полемики русских критиков и писателей о том, есть ли в России литература (1820–1830-е гг.), бедна или богата она содержанием (1860–1880-е гг.), есть ли будущее у русской литературы (1990–2010-е гг.). В спорах А. С. Пушкина с И. В. Киреевским, В. Г. Белинского с русскими писателями, Достоевского с утилитаристами, западниками и славянофилами были выявлены разные значения концептов *литература* и *словесность*, высказаны новые идеи и концепции: литература должна быть словесностью и выражать народный дух, русская литература должна стать национальной и европейской. О том, что она стала мировой литературой, объявил в своей речи о Пушкине Достоевский в 1880-м году. Кризис современной литературы обострил старые споры о литературе и словесности, об их будущем, об идеях и идеале. У русской литературы есть запас прочности — ее прошлое; возможно и ее достойное будущее.

Ключевые слова: литература, словесность, критика, кризис, отрицание, бедность содержания, будущее русской словесности

Есть ли будущее у русской литературы? — не в первый раз в критике звучит этот вопрос, даны ответы на него. Сегодня популярен тезис, который с вариациями повторяют многие: «У русской литературы есть будущее — ее прошлое». Этот постулат можно трактовать двояко: и так, что у русской литературы нет будущего, и так, что у нее есть и запас прочности, и залог будущности — ее прошлое. Что впереди? — неспральный вопрос.

Свою критическую деятельность в начале 1830-х годов Белинский начал как автор толковых и умных рецензий, на которые мало кто обращал внимания. Настоящую известность ему принесла опубликованная в газете «Молва» скандальная

статья «Литературные мечтания» (1834), в которой он провозгласил: «...у нас нет литературы!» [1, 49].

В этом мнении Белинский был не оригинален.

Ранее, за четыре года до него, своими сомнениями по поводу русской литературы поделился критик и философ Иван Киреевский, который писал в годовом обзоре русской литературы за 1829 год:

Будем беспристрастны и сознаемся, что у нас еще нет полного отражения умственной жизни народа, у нас еще нет литературы. Но утешимся: у нас есть благо, залог всех других: у нас есть Надежда и Мысль о великом назначении нашего отечества! [8, 77–78].

На это замечание критика Пушкин ответил с поощрительной, но снисходительной похвалой:

Мы улыбнулись, прочитав сей меланхолический эпилог. Но заметим г-ну Киреевскому, что там, где двадцатитрехлетний критик мог написать столь занимательное, столь красноречивое «Обозрение словесности», там есть словесность — и время зрелости оной уже недалеко [12, 83].

Белинский усугубил тезис И. Киреевского — убрал наречие *еще*: «У нас нет литературы!», но в последовавших рассуждениях уточнил: у нас есть литература как письменность и книжность — и дал обширный список писателей и поэтов. Далее продолжил: у нас есть литература как собрание шедевров — и назвал их авторов. По мнению Белинского, у нас нет национальной литературы, как понимают этот вид деятельности в других странах: Франции, Германии, Англии, Италии, — нет *русской литературы*, нет литературы как явления народного духа.

В суждениях Киреевского и Белинского есть сходный посыл. Оба критика видели причину несостоятельности русской литературы в ее подражательном характере.

И. Киреевский красноречиво описал влияние европейских писателей на русских авторов:

Все это живет вместе, мешается, роднится, ссорится и обещает литературе нашей характер многосторонний, когда добрый гений спасет ее от бесхарактерности [8, 72].

Критик ждал от русских писателей произведений европейского достоинства и пророчил:

...у нас есть благо, залог всех других: у нас есть Надежда и Мысль о великом назначении нашего отечества! [8, 78].

Участь русской словесности Киреевский связал с судьбой России:

Судьба каждого из государств европейских зависит от совокупности всех других — судьба России зависит от одной России. Но судьба России заключается в ее просвещении: оно есть условие и источник всех благ. Когда же эти все блага будут *нашими*, мы ими поделимся с остальною Европою и весь долг наш заплатим ей сторицею [8, 79].

Свои претензии к характеру новой литературы выразил со сходных позиций и Белинский:

Такая литература не может в одно и то же время быть и французскою, и немецкою, и английскою, и италийскою [1, 51].

Такой национальной литературы в России, по его мнению, нет:

Нет, да покуда, при всех благородных желаниях просвещенных патриотов, и быть не может [1, 117].

В своих суждениях критик был несправедлив: у нас была русская литература как народная словесность, сложилась национальная литература. Однако, провозгласив народность альфой и омегой нового периода, Белинский поторопился завершить *Пушкинский* период, похоронив поэта уже в 1830-м году; объявил новый период *Смирдинским*, пугая доверчивого читателя пересказами чужих сплетен о том, что высокими гонорамами Смирдин скупает писателей и убивает литературу. Увы, добрейший издатель-меценат вскоре разорился...

В критике литературы Белинский был прав и неправ, или, как тонко подметил Достоевский, возражая беллетристу А. Авсеенко:

...у Белинского была правда и его заблуждение, а у вас и правда выходит заблуждением [2, 185].

Заблуждения Белинского и его последователей были предметом критики Достоевского, который защищал Пушкина и его «*новое слово*» в полемике с утилитаристами, нигилистами и западниками, с теми, кто не заметил «золотой век» русской классики, кто писал о «бедности» содержания отечественной словесности.

В споре с критиками «Свистка» и «Русского Вестника» Достоевский возражал, что наша литература «не такая мизерная», «совсем не скудная», называя имена Пушкина, Гоголя, Островского, «много и прежних и новых» писателей, «которых не отвергла бы любая европейская литература»:

У нас уже давно сказано свое русское слово. Блажен тот, кто умеет прочесть его [3, т. 5, 86].

Русская мысль уже во многом заявила себя [3, т. 5, 87].

Русская мысль уже начала отражаться и в русской литературе и так плодотворно, так сильно, что трудно бы кажется не заметить русскую литературу, а вы спрашиваете: «что такое русская литература»? Она началась самостоятельно с Пушкина. Возьмите только одно в Пушкине, только одну его особенность, не говоря о других: способность всемирности, всечеловечности, всеотклика. Он усваивает все литературы мира, он понимает всякую из них до того, что отражает ее в своей поэзии, но так, что самый дух, самые сокровеннейшие тайны чужих особенностей, переходят в его поэзию, как бы он сам был англичанин, испанец, мусульманин или гражданин древнего мира. Подражатель, — скажут нам, — отсутствие собственной мысли. Но ведь так не подражают. Он является везде *en maître*¹, так подражать, значит творить самому, не подражать, а продолжать. Неужели такое явление кажется вам несамостоятельным, ничтожным, ничем? В какой литературе, начиная с создания мира, найдете вы такую особенность

всепонимания, такое свидетельство о всечеловечности и главное в такой высочайшей художественной форме? Это-то и есть, может быть главнейшая особенность русской мысли; она есть и в других народностях, но в высочайшей степени выражается только в русской, и в Пушкине она выразилась слишком законченно, слишком цельно, чтоб ей не поверить [3, т. 5, 87–88].

Так писал Достоевский за двадцать лет до Пушкинской речи.

Он с воодушевлением воспринял брошюру Н. Страхова «Бедность нашей литературы» (1868) [3, т. 15., 297, 313], в которой была предпринята попытка поставить под сомнение оценку, вынесенную в заглавие этого критического труда [13].

С негодованием Достоевский обрушился на суждения А. Авсеенко о бедности содержания нашей литературы:

Это литература-то сороковых годов была бедна внутренним содержанием! Такого странного известия я не ожидал во всю мою жизнь. Это та самая литература, которая дала нам полное собрание сочинений Гоголя, его комедию: «Женитьба» (бедную внутренним содержанием, ух!), дала нам потом его «Мертвые Души» (бедные внутренним содержанием — да хоть бы что другое сказал человек, ну первое слово, которое на ум пришло, всё бы лучше вышло). Затем вывела Тургенева с его «Записками Охотника» (и эти бедны внутренним содержанием?), затем Гончарова, написавшего еще в 40-х годах Обломова и напечатавшего тогда же лучший из него эпизод «Сон Обломова», который с восхищением прочла вся Россия! Это та литература, которая дала нам, наконец, Островского, — но именно про типы-то Островского и раздражается г<осподин> Авсеенко в этой же статье самыми презрительными плевками... [3, т. 11, 371].

Для Достоевского категорически неприемлемы подобные оценки.

Для него русская литература стала не только европейской, но и мировой. Об этом он объявил в Пушкинской речи.

Когда в 1820–1830-е годы критики писали о том, что у нас нет литературы, они хотели, чтобы в России была национальная литература, появились писатели европейского уровня, сложилась русская словесность мирового значения.

Сейчас не то: литература пребывает в жестоком кризисе. В прошлом мировая, современная литература провинциальна: о мировом признании и влиянии на мировой литературный процесс можно лишь мечтать. Есть книги, но нет литературы. Есть писатели, но от большинства из них отвернулись читатели.

Кризис литературы — кризис идей и идеала. Великой делает литературу великий идеал (см. об этом: [7, 6–9]).

У нас нет литературы, как понимали ее Киреевский, Пушкин, Белинский, Достоевский, Толстой, какой она стала в 1820–1890-х годах.

Недавно смертью А. И. Солженицына (2008) и В. Г. Распутина (2015) завершилась классическая традиция русской литературы.

Что будет? Станет ли постсоветская литература русской? Куда приведет авторов постмодернизм? Что, кроме повторения известного, предложат современные писатели, серьезно относящиеся к ремеслу? Где открытия? Где эти дерзновенные писатели? Где словесность?

Литературных премий много; непрерывны состязания; лауреаты, как правило, достойны; можно издавать, что хочешь и где хочешь, но где читатели? Почему хорошие книги не становятся бестселлерами? Даже нобелевских лауреатов по литературе за сто лет накопилось столько, что их легко забывают критики и читатели. Писатели множатся, и многие стали *райтерами* (от англ. writer — писатель): спичрайтеры обслуживают власть и бизнес, бригады райтеров заняты в издательских и телевизионных проектах, пишут вариации на чужие тексты, сценарии фильмов, сериалов, программ, создают контент сайтов. То, что они делают, не имеет отношения ни к литературе, ни к журналистике: пишут тексты, создают контент, — возникла «новая» *письменность*, которая принципиально не нова, в которой текст порождает текст, — и так до бесконечности.

К этим проблемам прибавим мировые тренды: бумажные книги стремительно уходят с рынка, за цифровые копии в Интернете не хотят платить, не все могут и хотят отдавать

свой интеллектуальный труд в бесплатное пользование. Появилась такая «особь», как писатель без читателей.

То, что происходит в школе, умножает масштаб проблем. Безграмотных выпускников школ из года в год становится все больше и больше; результатом бездумных реформ в образовании стало то, что читать и понимать написанное приходится учить не в школах, а в университетах.

Современные беды ничтожны в исторической ретроспективе [9]; [10]; [11]; [4]; [5]; [6], и было бы странно не одолеть их.

Вопреки технологическим реформам и трансформациям, литература сохранится как письменность (и традиционная, и «цифровая»), как книжность (в полиграфическом и электронном исполнении), как вид творчества, от которого читатели всегда ждут новых шедевров.

У русской литературы есть великое прошлое — возможно и достойное ее будущее.

Примечания

* Исследование выполнено по гранту Министерства образования и науки России «Новые источниковедческие и текстологические исследования русской словесности XIX–XX веков» (№ 34.1126).

¹ как мастер (*фр.*).

Список литературы

1. Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. — М.: Худож. лит., 1976. — Т. 1. — С. 47–127.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Т. 24. — Л.: Наука, 1982. — 520 с.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. — М.: Воскресенье, 2004–2005. — Т. 5. — 752 с.; Т. 11. — 800 с.; Т. 15. — Кн. 2. — 528 с.
4. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. — Петрозаводск: ПетрГУ, 1995. — 287 с.
5. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. — М.: Кругъ, 2004. — 560 с.
6. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. — СПб.: Алетейя, 2012. — 448 с.
7. Захаров В. Н. Прошлое, настоящее и будущее русской литературы // Современные проблемы метода, жанра и поэтики русской литературы. — Петрозаводск: ПетрГУ, 1991. — С. 3–10.
8. Киреевский И. В. Обозрение Русской словесности 1829 года // Киреевский И. В. Критика и эстетика. — М.: Искусство, 1979. — С. 55–79 [Электронный ресурс]. — URL: <http://philolog.petrso.ru/pdf2/obozkyr.pdf> (30.09.2016).

9. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — М.: Наука, 1979. — 376 с.
10. Лихачев Д. С. Будущее литературы как предмет изучения (заметки и размышления) // Новый мир. — 1969. — № 9. — С. 167–184.
11. Лихачев Д. С. Заметки о русской литературе // Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет: к 100-летию Д. С. Лихачева: [в 3 т.]. — СПб.: АРС, 2006. — Т. 3. — С. 453–507.
12. Пушкин А. С. Денница: Альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. — Л.: Наука, 1978. — Т. 7: Критика и публицистика. — С. 76–83.
13. [Страхов Н.] Бѣдность нашей литературы: критическій и историческій очеркъ Н. Страхова. — СПб.: Тип. Н. Неклюдова, 1868. — 73 с.

Vladimir N. Zakharov

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

vnz01@yandex.ru

DO WE HAVE LITERATURE? CONCEPTS *LITERATURE* AND *SLOVESNOST'* IN RUSSIAN CRITICIZM

Abstract. The article examines some episodes of the debates between Russian critics and writers on the question whether there was literature in Russia in the 1820s–1830s, if it had a poor or abundant content in the 1860s–1880s, and if Russian literature has a future (1990s–2010s). The disputes between A. S. Pushkin and I. V. Kireevsky, V. G. Belinsky and Russian writers, F. M. Dostoevsky and the adherents of utilitarianism, Westernizers and Slavophiles brought to light different meanings of concepts *literature* and *slovesnost'* (i. e. literature that preaches the Word / Logos). These polemics provided new ideas and conceptions: literature should be *slovesnost'* expressing the national spirit, Russian literature should become national and European. In 1880, in his speech dedicated to Pushkin, Dostoevsky declared that Russian literature had become world literature. The crisis in contemporary literature has fueled the old debates on literature and *slovesnost'*, their future, ideas and the ideal. Russian literature has a safety margin — its past; its honourable future is also possible.

Keywords: literature, *slovesnost'*, critical reviews, crisis, denial, poverty of content, future of Russian *slovesnost'*

References

1. Belinskiy V. G. *Sobranie sochineniy: v 9 tomakh* [Complete Works: in 9 Vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1976, vol. 1, pp. 47–127.

2. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, vol. 24. 520 p.
3. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 18 tomakh* [Complete Works: in 18 Vols]. Moscow, Voskresen'e Publ., 2004–2005. Vol. 5. 752 p.; vol. 11, 800 p.; vol. 15, book 2, 528 p.
4. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoy literature* [The Category of Sobornost' in Russian Literature]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995. 287 p.
5. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [Paskhal'nost' of Russian Literature]. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p.
6. Esaulov I. A. *Russkaya klassika: novoe ponimanie* [The Russian Classics: New Vision]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2012. 448 p.
7. Zakharov V. N. Proshloe, nastoyashchee i budushchee russkoy literatury [The Past, Present and Future of Russian Literature]. «*Sovremennyye problemy metoda, zhanra i poetiki russkoy literatury*» [“Modern Problems of Method, Genre and Poetics of Russian Literature”]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1991, pp. 3–10.
8. Kireevskiy I. V. Obobzrenie Russkoy slovesnosti 1829 goda [Overview of Russian Literature of 1829]. *Kritika i estetika* [Criticism and Aesthetics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 55–79. Available at: <http://philolog.petsru.ru/pdf2/obozkyr.pdf> (accessed 30 September 2016).
9. Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoy literatury* [The Poetics of Old Russian Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 376 p.
10. Likhachev D. S. Budushchee literatury kak predmet izucheniya (zametki i razmyshleniya) [The Future of Literature as a Subject of Study (Notes and Thoughts)]. *Novyy mir*, 1969, no. 9, pp. 167–184.
11. Likhachev D. S. Zametki o russkoy literature [Notes on Russian Literature]. *Likhachev D. S. Vospominaniya. Razdum'ya. Raboty raznykh let: v 3 tomakh* [Likhachev D. S. Memories. Thoughts. Works of Different Years: in 3 Vols]. St. Petersburg, ARS Publ., 2006, vol. 3, pp. 453–507.
12. Pushkin A. S. Dennitsa: Al'manakh na 1830 god, izdannyy M. Maksimovichem [Dennitsa: Almanac of the Year 1830, Published by M. Maksimovich]. *Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochineniy: v 10 tomakh* [Pushkin A. S. Complete Works: in 10 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, vol. 7: Criticism and Journalism, pp. 76–83.
13. <Strakhov N.> *Bednost' nashey literatury: kriticheskiy i istoricheskiy ocherk N. Strakhova* [The Poorness of Our Literature: A Critical and Historical Review of N. Strakhov]. St. Petersburg, Tipografiya N. Neklyudova Publ., 1868. 73 p.

Дата поступления в редакцию: 18.11.2016